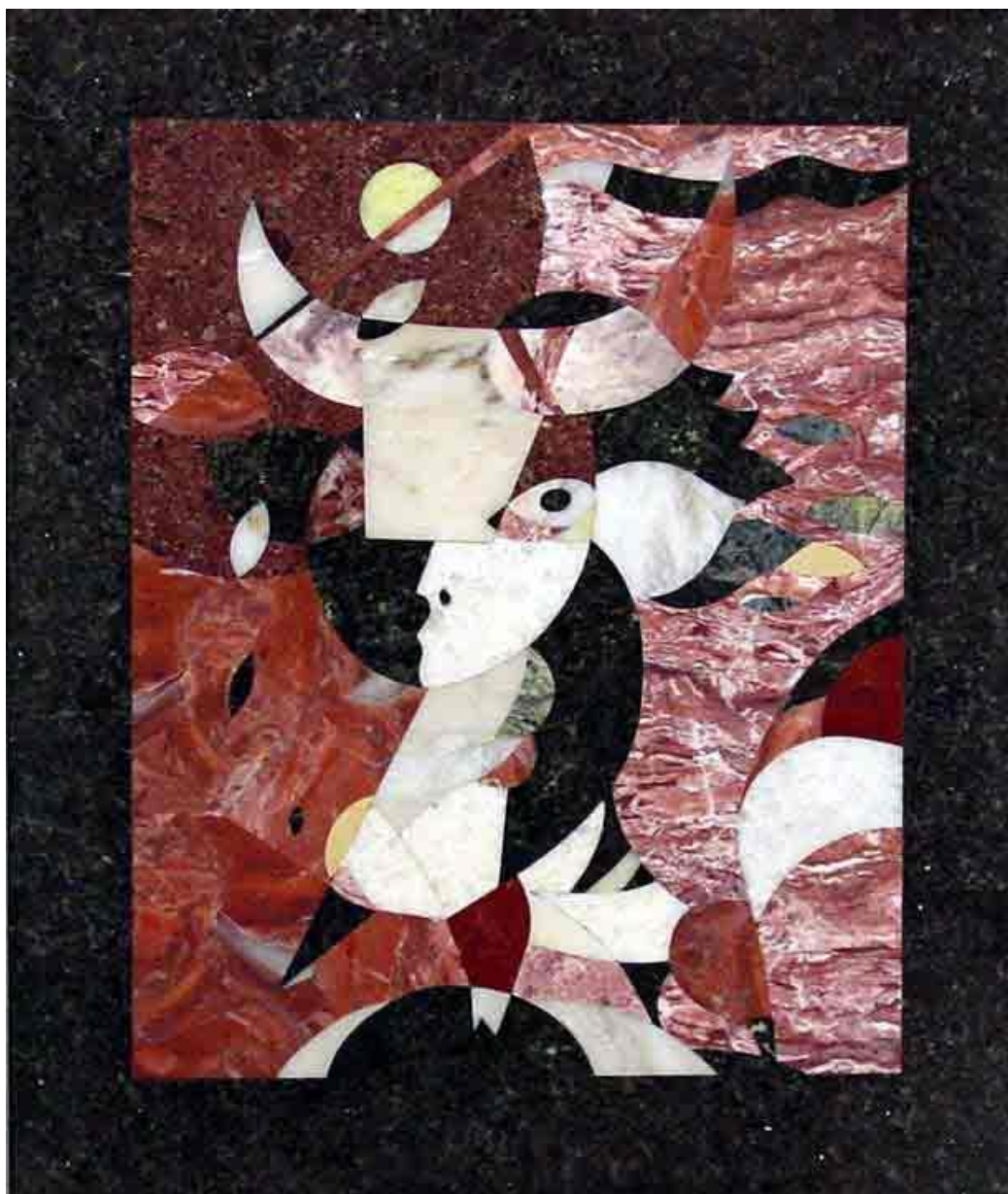

Д.А. Эрдынеева, С.М. Тулохонов
«БУХА-НОЙОН» Ю. МАНДАГАНОВА

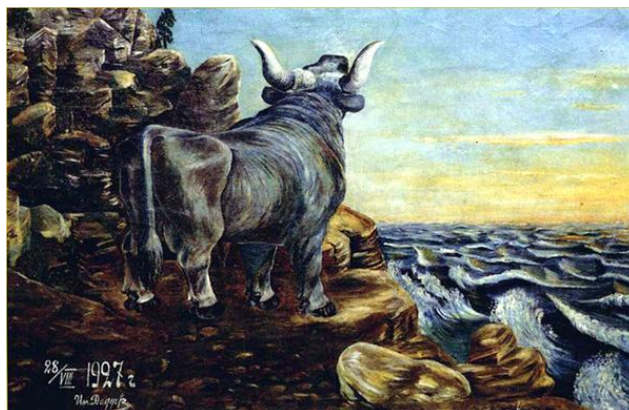
Замечательным явлением в истории культуры Бурятии стало творчество Юрия Мандаганова в технике флорентийской мозаики.

Приверженность монументальной живописи у художника давняя, свидетельство чему – витражи «Юность», ежедневно созерцаемые в ВСГТУ авторами настоящей статьи. Результатом нового обращения (впрочем, лишённого прикладной функции) стали многочисленные произведения, концептуально объединяемые в каждом конкретном случае той или иной насущной темой: «Бурятские мотивы», «Кочевник и самоцветы», «Эвенкийские предания и Байкальские легенды»...

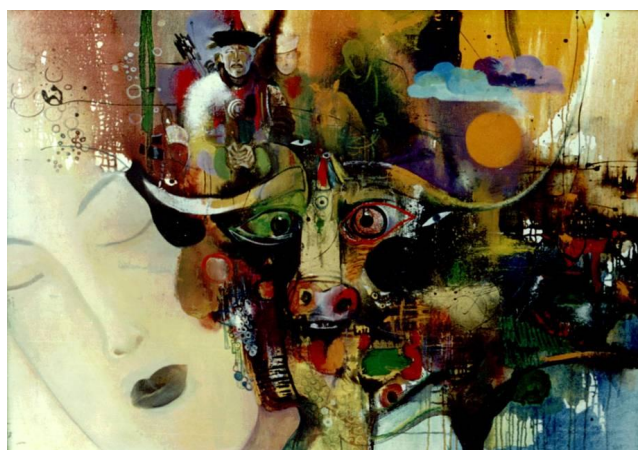
Особо выделяется в этом ряду мозаичное панно «Буха-Нойон» [1] – своими многозначностью и многозначительностью:

Не случайно ведь, что это не первое обращение мастеров изобразительного искусства к Буха-нойону, сказочному пращуру прибайкальских бурят. Среди наиболее известных: живописные картины Иннокентия Дадуева (еще в 1927 г.),

Бальжинимы Доржиева,

скульптура Даши Намдакова [2].

С давних времен имя Буха-нойон-бабая (буквально: «господин-батюшка Пороз», сивый – т.е. темно-седой, пепельный – бык-бугай) связано со многими памятниками бурятского мира [3], главными и основополагающими из которых являются, конечно, сведения словесные, и прежде всего устно-поэтические. Его образ, бывший изначально тотемом булагатского племени (в ряду других – племенных и родовых), в настоящее время уже оформился как общебурятский символ.

Этот позитивный момент не может сейчас не восприниматься как один из элементов консолидации долгое время разобщенного бурятского народа.

Очень важным представляется то, что изначально эта символика очевидно имеет еще более глубинный – общемонгольский – смысл.

Как известно из «Сокровенного сказания монголов», «В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. <...> Чингис-хан соизволил сказать: „Ты старший из моих сыновей. Не успели выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство“, / И повелел так». [4]

Это тот самый Буха – брат го-вана Мухали, второго человека в иерархии Великого монгольского улуса и одного из четырех «витязей-кулюков», главных сподвижников Тэмуджина-Чингисхана («И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы»). Это тот самый Буха – глава тысячи туркаутов (дневной стражи) и первой из четырех смен кишигтенов (охранной гвардии), каждый из которых был «выше любого армейского начальника-тысячника» [5].

Значимость потомков джалаириров Мухали и Буха была весьма значительна как для монгольского суперэтноса вообще, так в частности и для бурятского «лесного народа», которому, по всей видимости, степняки передали навыки облавной охоты (и скотоводства затем), живописуемой впоследствии Д. Клеменцом и М. Хангаловым. Значительность подобной охоты видна на примере одного из самых умелых, благородных и любимых военачальников Чингисхана – мангутского Куилдар-сэчена, из рядов которого, по всей видимости, происходил анонимный автор «Тайной истории» и нрав народа которого, собственно, и был в истории одухотворен как монгольский. В наиболее драматичном эпизоде степных войн «По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он <Čiŋķis-qaǰan – в оригинале> отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхуудцев – по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хуилдара еще не зажила рана, и сколько Чингис-хан его не удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался» [6].

Бурятская зэгэтэ-аба, «охота на росомах», будучи изначально явлением привнесенным из Великой степи, преследовала у себя не военные цели (как это было главным образом у степняков), а сугубо хозяйственные. «Первый период <ее существования>, – по М. Хангалову, – первобытная зэгэтэ-аба, о которой не сохранилось преданий» [7], и она, по логике вещей, не могла не быть связанной с непосредственными владельцами земель, сказочных преданий о которых и их родословных предостаточно.

И все они упираются, как в основу основ, в древнего и актуального Буха-нойон-бабая. Не случайно Д. Намдаков повторил великий альтамирский образ [8].

Как произведение ярко-национальное и многоаспектное, картина «Буха-Нойон» Мандаганова несёт в себе не только магию художественного образа, но и непосредственную пользу для каждого, кто соприкоснётся с ней.

Целительные свойства камней известны давно: излучения минералов позволяет усилить поле, которое снижает влияние геопатогенных зон земли. Определённое сочетание камней создаёт мощное биоэнергетическое поле, благоприятно воздействующее на человеческий организм. Автор интуитивно подобрал такое сочетание камней, которое концентрирует в себе биоэнергетическое влияние. Мрамор, яшма, серпантинит, халцедон, офиокальцит, чароит и другие камни благоприятно воздействуют на нервную психическую и кровеносную систему.

Интересно, что носителем внутренних переживаний становится колористическая и композиционная оркестровка, осуществляемая живописными средствами – цветом, точкой, линией, пятном, контрастным столкновением красочных пятен. Колористическое решение этой картины тесно связано с символикой цвета в бурятском декоративном искусстве. Так, преобладающий в панно красный цвет – символ огня и солнца – олицетворяет торжество и радость. Зелёный – символ цветущей степи и вечного развития, а белый – благородства и чести. Применённые автором камни имеют большое разнообразие цветовых оттенков по тону и интенсивности окраски. Некоторые камни изменяют свой цвет в зависимости от дневного или искусственного освещения, отчего достигается особая выразительность и загадочность мозаики Мандаганова.

Необходимо отметить особую дифференциацию выбора формы и изобразительного языка, принципа построения образа – геометрически чёткого и строгого, в этом прослеживаются мотивы, присущие течению конструктивизма и ассоциативно сближающие стилистику бурятского художника с авангардными работами начала 20-го века, и в первую очередь В. Кандинского, как, например, в «Черных штрихах I» [9].

Ритм, эмоциональное звучание цветов, энергичность линий и пятен композиции были призваны выразить мощные лирические ощущения, сходные с чувствами, пробуждаемыми мифами, преданиями и легендами.

Кто же этот загадочный герой бурятских легенд и преданий, мозаично-абстрактно проявляющийся быком с человеческим лицом и рогатой маской в несущемся потоке листьев, планет и знамен, играющих ореолов и животворных струй?..

Вот одно из наиболее образных народно-поэтических живописаний священного быка, произносимого родами коркут и далхай на родовых жертвоприношениях-тайлганах у с. Торы:

Буха ноен баабай,	Отец – Буха ноен,
Будан хатан Иибии,	Мать – Будан хатан,
һарайма ехэ эбэрээрээн	Своими большими рогами
Үндэр тэнгэри һиилэхэн,	Высокое небо прорезавший,
һанжама ехэ бойногоороон	Вислым большим войлом<...>
Үргэн дэлхээ шударһан,	Родимую землю ишпорковший,
Бааһан газартаа	Там, где испражнялся,
Бар тайгаа ургуулһан,	Густую тайгу вырастивший,
Шээһэн газартаа	Там, где мочился,
Шэбэр тайга ургуулһан,	Непроходимую тайгу вырастивший,
Үлгээ газарта үнжэлгэтэн,	На колыбельной земле ночующий,
Сагдуул модон шүргээлгэтэн,	О молодое дерево обчесывающийся,
Шара элиһэн хэбтэлгэтэн,	С лежанкой на желтом песке,
Хабсагай шулуун һүдэгтэн...	Изображенный скалой... [10]

Общий смысл нескольких значительных версий великого сюжета сводится к следующей фабуле. Во владениях Тайжи-хана на южном берегу Байкала (т.е. в Забайкалье) сразились пестрый и сивый порозы. Одним из результатов этого грандиозно-мифического действия явилась беременность дочери хана от Буха-нойон-бабая. Подобно Зевсу в волшебной истории о рождении Афины, сивый бык завладевает еще не родившимся ребенком и зашвыривает его за Байкал, где некоторое время выкармливает дитя. Далее по воле Вечного Неба мальчика находит шаманка Асуйхан, ставшая его матерью. Через несколько лет играющий на берегу этот мальчик, названный Булагатом, знакомится с ежедневно выходящим из вод Эхиритом, в конце концов усыновленным другой шаманкой, Хусуйхэн.

Эта волшебная предыстория двух бурятских племен богата оттенками, на разные лады трактуемыми хитросплетения происхождения и взаимоотношений многочисленных родов и улусов. Так, в нашем случае весьма интересна история улуса Загликского 2-го Готолова рода с точки зрения упомянутого выше Иннокентия Дарбаевича Дадуева и первого главы бурятской автономии Петра Никифоровича Дамбинова (поэта Солбонэ Туя) [11].

Итак, Буха-нойон → Булган Хара → Тугалак → Алагуй → и далее по С. Балдаеву: «Готол, Түтхэн, Таху, Ботишо, Абан, дети Абана – Сагааншан, Халмагшан, Алтай, Һалдай. / Абан – Дамба, дети Дамбы – Далбай, Даншан, Дааду, Никон и Никифор. / Даншан, его сын – Марин, дочь его Марина, дочь ее – Христина. / Дааду, сын его – Дарба, дети Дарбы – Яков, Иннокентий <...> / <абзац наш> Никифор, дети Никифора – Григорий, Еремей, Петр и Лавр <...>» [12].

Налицо информация к размышлению, подтверждаемому в том числе и последними свидетельствами о судьбе братьев Дамбиновых [13].

Память, как древние письмена, образна.

Повествование о великих событиях и людях всегда имеет свою отличительную, «живую» приметку: Бодончар на соколином коне в ссадинах и с хвостом стрелой... Тэ-

муджин на мерине-савраске... Аламжи-Мэргэн на стройном соловом коне... Такова природа и «Буха-Нойона» Юрия Ендоновича Мандаганова, пронизанного взаимодействующими друг друга зоо- и антропоморфизмом и одухотворенного ими.

Подобные искания пытливого ума и доброй воли, обращенные к совестливой памяти и свободной фантазии, со всей очевидностью дают... *должны дать... не могут не дать...* замечательных результатов, которые изначально олицетворяет прародитель бурятского народа – символ силы, молодости, физического и нравственного здоровья, справедливой упорядоченности Мироздания и, надо полагать, осуществляемой Надежды.

1 См.: <http://www.lesoreades.ru/collection/picture.php?picid=1286&s=no>;
http://www.artrossia.ru/artists/picture_s.php?pic_id=6331&foa=f&sort=&page=3.

2. См.: <http://www.baikal-center.ru/gallery/photo.php?ID=2358>; Художники Бурятии. III / Справочно-библиографический CD — Улан-Удэ: Национальная библиотека Республики Бурятия, 2005;
<http://fotki.yandex.ru/users/veer9516/view/14817/?page=1>;
http://photofile.name/users/chari/2589183/48849210/full_image.

3 Например, гора Буха-Нойон у тункинского села Торы (<http://besedka.co.il/lofiversion/index.php?t7545.html>).

4 Козин С.А. Сокровенное сказание (Монгольский обыденный сборник). — М. – Л., 1941. — § 239.

5 Там же. — §§ 205, 209, 228.

6 Там же. — § 175.

7 Хангалов М.Н., Клеменц Д.А. Общественные охоты у северных бурят (Зэгэгэ-аба – охота на россомах) // Хангалов М.Н. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. I. — Улан-Удэ, 1958. — С. 55.

8 См.: http://www.freski-moskva.ru/pics_freski/pics_freski_orto/iskusstvo_drevnih_civilizacij/freski_orto_0024.jpg.

9 См.: <http://img355.imageshack.us/img355/5021/czarnemu347ni281ciai1913thesol.jpg>, а также «Казачи» (<http://www.tate.org.uk/modern/exhibitions/kandinsky/images/rooms/cossacks.jpg>), «Москва, 1916» (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/68/Moscow_I..JPG); при желании здесь можно усмотреть и забайкальские корни творчества великого абстракциониста.

10 Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Часть первая. Булагаты и эхириты. — Улан-Удэ, 1970. — С. 49.

11 Подробнее о нем см.: Тулохонов С.М., Тулохонов А.С. К методологии биографизма в Бурятияведении: Петр Никифорович Дамбинов // Вестник Восточно-Сибирского государственного технологического университета. — 2004. — № 2. — С. 144 – 149.

12 Балдаев С.П. Указ. соч. — С. 85.

13 См. <http://lists.memo.ru/index5.htm>.